Из Кабилии в Бужи / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Из Кабилии в Бужи / рассказ ИЗ КАБИЛИИ В БУЖИ

Вот мы и в самой богатой и самой населенной части Алжира. Страна кабилов гориста, покрыта лесом и полями.
Выехав из Омаля, спускаешься к большой долине Сахель.
Там вырастает громадная возвышенность Джуржура. Самые высокие ее вершины серого цвета, как будто покрыты пеплом.
Повсюду на менее высоких вершинах виднеются селения, похожие издали на кучи белых камней. Другие лепятся по склонам. Во всей этой плодородной области между европейцами и туземцами идет жестокая борьба за землю. Плотность населения в Кабилии больше, чем в самом населенном из французских департаментов. Кабилы не кочевники, они домоседы и труженики. А французы только о том и думают, как бы их ограбить.
Вот различные способы, которые применяются, чтобы согнать с места и обобрать несчастных туземных землевладельцев.
Какое-нибудь частное лицо, покидая Францию, является в бюро по распределению земель и просит отвести ему землю в Алжире. Будущему колонисту предлагают шляпу с билетиками, и он вытягивает номер, соответствующий тому или иному участку земли. С этого момента участок делается его собственностью.
Он уезжает. А там, в туземном селении, он застает целую семью, обосновавшуюся на его наделе. Члены семьи расчистили новь и добились того, что земля на участке стала приносить урожай. Это их единственное достояние. Иностранец выгоняет их. Они покоряются, потому что таков французский закон. Но эти люди, потеряв все, что у них было, уходят в пустыню и превращаются в мятежников.
Иногда стороны приходят к соглашению. Европейский колонист, испугавшись жары и сурового вида страны, вступает в переговоры с туземцем, который становится его фермером.
И туземец, оставшись на своей земле, посылает ежегодно, смотря по урожаю, тысячу, полторы, а то и две европейцу, вернувшемуся

во Францию.
Такой участок приносит не меньше дохода, чем взятая на откуп табачная лавка.
А вот и другой метод.
Палата голосует за кредит в сорок или пятьдесят миллионов на колонизацию Алжира.
На что пойдут эти деньги? Без сомнения, на постройку плотин, на посадку лесов, чтобы задерживать влагу в почве, на удобрение бесплодных земель?
Ничего подобного! На обирание арабов. Дело в том, что земля в Кабилии приобрела значительную ценность. В лучших местах она доходит до тысячи шестисот франков за гектар, а обычно стоит восемьсот.
Кабилы-землевладельцы спокойно живут на обрабатываемых участках. Имея хороший достаток, они не восстают, им ничего не нужно, лишь бы только их оставили в покое.
Что же происходит? В наличии имеется пятьдесят миллионов. Кабилия — самая прекрасная из областей Алжира. И вот кабилов обирают в пользу неведомо откуда явившихся колонистов.
Как же их обирают? Им платят сорок франков за гектар, который стоит по крайней мере восемьсот франков.
И глава семьи уходит, не говоря ни слова (таков закон), уходит куда глаза глядят со своими домочадцами — мужчинами, лишившимися работы, женщинами и детьми.
У этого народа нет ни торговцев, ни промышленников, одни только земледельцы.
Стало быть, семья может существовать только до тех пор, пока остается хоть что-нибудь от смехотворно ничтожной суммы, которую ей выплатили. Потом наступает нищета. Мужчины берут ружья и идут за каким-нибудь Бу-Амамой, словно подтверждая этим, что Алжиром может управлять только военная сила.
Рассуждают так: мы оставляем туземцев в плодородных областях, пока у нас не хватает там европейцев; когда же они появляются, мы выгоняем первых насельников. Очень хорошо. Но если у вас не останется больше плодородных земель, что вы станете делать? Мы будем удобрять неплодородные, черт возьми! Ну, так почему же вы не приметесь за удобрение теперь же, когда у вас имеется

пятьдесят миллионов?
Как! Вы видите, что частные компании возводят гигантские плотины, обеспечивая водой целые области; вы знаете по замечательным трудам талантливых инженеров, что довольно было бы посадить леса на некоторых горных вершинах, чтобы отвоевать для земледелия целые километры земель, лежащих ниже, — и вы не находите другого способа, кроме изгнания кабилов?!
Справедливости ради следует отметить, что сейчас же за Теллем почва становится голой, почти непригодной для обработки. Только арабы, питающиеся двумя горстями муки в день и несколькими винными ягодами, могут существовать в этом выжженном крае. Европеец не сможет там прожить. Так что действительно остаются лишь весьма ограниченные пространства для поселения колонистов, и приходится… выгонять туземцев, что и делается.
Таким образом, колонисты бедствуют, за исключением счастливых землевладельцев в равнине Митиджи и тех, кто приобрел землю в Кабилии одним из описанных выше способов, а также за исключением всех поселившихся вдоль моря на узкой полосе земли, отграниченной Атласом. Вот почему в Алжир можно еще переселить очень незначительное количество новоселов. В противном случае там не прокормиться.
К тому же эта колония чрезвычайно трудна для управления, и по вполне понятным причинам.
Алжир равен по величине европейскому государству и состоит из весьма разнородных областей, население которых существенно отличается друг от друга. Этого до сих пор не могло, кажется, понять ни одно правительство.
Нужно глубоко изучить каждую из областей, прежде чем браться управлять ею, так как каждая из них нуждается в совершенно особых законах, постановлениях, характере управления и мерах предосторожности. Между тем губернатор, как правило, совершенно незнаком с местными обычаями и бытовыми условиями и, значит, может опираться только на чиновников, действующих в качестве его представителей.
Кто эти чиновники? Колонисты? Люди, выросшие в стране, осведомленные обо всех ее нуждах? Ничуть! Это просто молодые

люди, приехавшие из Парижа в свите вице-короля.
И вот один из таких молодых невежд управляет пятьюдесятью или ста тысячами человек. Он делает глупость за глупостью и разоряет страну. И это в порядке вещей.
Бывают исключения. Иногда всемогущий представитель губернатора трудится, учится, старается понять. Ему понадобилось бы десять лет, чтобы немного освоиться с делом. Через полгода его сменяют. По причинам семейного характера, по личным или иным обстоятельствам его переводят с тунисской границы на марокканскую, и там он принимается управлять теми же способами, к каким прибегал здесь, доверчиво полагаясь на свой небольшой опыт, применяя к совершенно различным народностям один и те же правила и приемы.
Следовательно, нужен прежде всего не отличный губернатор, а отличные сотрудники губернатора.
Чтобы исправить это плачевное положение, эти гибельные порядки, пытались создать школу администраторов, где целому контингенту молодых людей преподавались бы элементарные знания, необходимые для управления данной страной. Дело не удалось. Приближенные г-на Альбера Греви провалили это начинание. Система фаворитизма победила и на этот раз.
Итак, административный персонал набирается самым странным способом. Правда, среди него попадаются люди интеллигентные и работящие. Наконец ввиду недостатка подходящих кандидатов правительство обращается с предложениями к бывшим офицерам из бюро по арабским делам. Эти-то по крайней мере хорошо знают туземцев; но трудно допустить, что с переменой одежды они сразу изменят свои административные методы, да и незачем было в таком случае безжалостно увольнять их, пока они носили мундир, чтобы принять обратно, как только они переоделись в сюртук.
Раз я уже коснулся сложной проблемы управления Алжира, мне хочется сказать еще несколько слов по поводу чрезвычайно важного вопроса, требующего немедленного разрешения: речь идет о крупнейших туземных вождях, которые в действительности являются единственными правителями, всемогущими правителями части нашей колонии, лежащей между Теллем и пустыней.

В начале французской оккупации наиболее надежных вождей — аги и бах-аги — облекли весьма широкой властью над племенами на значительной части территории. Наше воздействие грозило оказаться бессильным; мы заменили его воздействием арабских вождей, перешедших на нашу сторону, хотя заранее приготовились к возможным изменам; да они и были нередки. Эта мера была политически разумной и в общем дала отличные результаты. Некоторые аги нам значительно помогли, и благодаря им была сохранена жизнь многих тысяч французских солдат.

Но из того, что эта мера была превосходна в свое время, не следует, что она остается совершенной, несмотря на все изменения, возникающие в стране с дальнейшим развитием колонизации.

В настоящее время наличие этих владык, — единственно пользующихся среди племен влиянием и почетом, — служит источником постоянной опасности для нас и непреодолимым препятствием для развития цивилизации среди арабов. Однако военная партия, по-видимому, энергично защищает институт туземных вождей от попыток гражданской партии его уничтожить. Я не могу обсуждать этот важный вопрос, но достаточно совершить поездку по Алжиру и познакомиться с различными племенами, как это сделал я, чтобы убедиться в громадных недочетах существующего положения вещей. Я ограничусь простой передачей нескольких фактов.

Длительное сопротивление Бу-Амамы объясняется почти исключительно действиями саидского аги.

В начале восстания этот ага собирался присоединиться с подчиненными ему племенами к французскому войску. Он встретил по пути отряд трафи, двигавшийся с той же целью, и соединился с ним.

Но саидский ага обременен долгами, которых он не в состоянии выплатить. И вот, вероятно, ночью ему пришла мысль совершить нападение: он собрал свои гумы и напал на трафи. Разбитые в первой схватке, те все же одержали затем победу, и саидский ага принужден был бежать со своими людьми.

Ну, а так как саидский ага — наш союзник, наш друг, наш наместник, ибо он является представителем французской власти,

трафи решили, что в этом деле не обошлось без нашего участия, и вместо того, чтобы присоединиться к французскому войску, они перешли на другую сторону и немедленно отправились к Бу-Амаме, которого с тех пор уже не покидали, составляя его главную силу.

Пример характерный, не правда ли? А саидский ага остался нашим верным другом. Он служит под нашими знаменами!

Рассказывают также об одном знаменитом аге, которому наши военачальники оказывают большое уважение, так как он пользуется значительным влиянием среди многих племен.

Он то помогает нам, то предает нас, смотря по тому, что выгоднее. Открыто выдавая себя за союзника французов, которые поддерживают его авторитет, он втайне содействует всем восстаниям. Но, сказать по правде, он в равной мере изменяет тем и другим, если представляется возможность пограбить.

Он принимал несомненное участие в убийстве полковника Бопретра, но это не мешает ему быть в настоящее время с нами. Имеются сильные подозрения, что целый ряд понесенных нами неудач не обошелся без его участия.

Наш неизменный союзник, френдский ага, не раз предупреждал нас о двойной игре этого властителя. Но мы пропускали все это мимо ушей, потому что саидский ага, когда это ему выгодно, оказывает услуги военным властям, хотя одновременно он помогает и нашим врагам.

Особое положение этого вождя, открытое покровительство, которым он пользуется у нас, обеспечивает ему безнаказанность за множество преступлений, совершаемых изо дня в день.

Вот что происходит.

Арабы по всему Алжиру обворовывают друг друга. Не проходит ночи, чтобы нам не сообщали о покраже двадцати верблюдов здесь, сотни баранов там, об угоне быков под Бискрой, лошадей под Джельфой. Воров никогда не удается обнаружить. А между тем нет ни одного офицера из бюро по арабским делам, который не знал бы, куда девался краденый скот! Его переправляют к этому аге, который служит укрывателем краденого для всех разбойников пустыни. Похищенных животных присоединяют к его огромным стадам; часть их он оставляет себе в уплату за свою

любезность, а остальное возвращает по прошествии некоторого времени, когда опасность преследования уже миновала.
На юге это всем известно.
Но этот ага, получивший при нашей помощи такое огромное влияние, вдобавок увеличивающееся изо дня в день благодаря покровительству, которое он оказывает всем грабителям, остается нужным человеком, и на него смотрят сквозь пальцы.
Вот почему этот вождь несметно богат, между тем как ага Джельфы, например, наполовину разорился, служа интересам колонизации, устраивая фермы, расчищая под пашни новые земли и т. д.
Помимо всего прочего, существование туземных владык, управляющих племенами, порождает ряд других, еще более серьезных затруднений. Чтобы дать себе в этом ясный отчет, нужно иметь точное представление о современном Алжире.
Территория и население нашей колонии делятся на четко разграниченные части.
Это прежде всего приморские города, имеющие с внутренним Алжиром не больше связи, чем .города самой Франции.
Жители приморских алжирских городов безвыездно сидят на месте. События, происходящие внутри страны, доходят до них лишь в виде отголосков, и их влияние на арабское население совершенно ничтожно.
Вторая зона — Телль — частично занята европейскими колонистами. Колонист же усматривает в арабе только врага, у которого надо оттягать землю. Он ненавидит его всеми фибрами души, постоянно преследует и при каждой возможности обирает. Араб платит ему тем же.
Открытая вражда арабов и колонистов мешает таким образом первым поддаваться цивилизаторскому влиянию вторых. В зоне Телль это еще полбеды. Ввиду того, что европейцы постоянно стремятся вытеснить туземцев, не потребуется долгого времени, чтобы разорившиеся или лишенные своих владений арабы отступили дальше к югу.
Но ведь необходимо, чтобы эти побежденные соседи всегда сохраняли спокойствие. Для этого нужно постоянно поддерживать среди них наш авторитет, держать их под постоянным наблюдением

и прежде всего пользоваться среди них безраздельным влиянием.
Что же происходит в настоящее время?
К племенам, рассеянным на огромной территории страны, европейцы и не заглядывают. Только офицеры из бюро по арабским делам время от времени совершают инспекторские поездки и довольствуются расспросами у каидов о том, что делается в племени.
Но каид подчинен туземному вождю — аге или бах-аге.
Если этот вождь происходит из «большого шатра», из знатного рода, пользующегося уважением в пустыне, то его влияние безгранично. Все каиды ему повинуются, как они это делали бы, не будь французской оккупации; и, что бы ни происходило, ничто не доходит до сведения военных властей.
Ведь племя — особый мир, совершенно замкнутый в своем уважении и страхе перед агой, который, следуя обычаям своих предков, обкладывает всяческими поборами своих подданных арабов. Он господин, он забирает, что ему угодно: то сотню овец, то две сотни, — словом, ведет себя, как маленький тиран. И так как его власть нами поддерживается, все это является продолжением старого арабского режима под покровительством французского правительства, иерархическим грабежом и т. д., не считая того, что мы не пользуемся среди племен никаким влиянием и совершенно ничего не знаем о состоянии страны.
Только благодаря этому положению мы не подозреваем о готовящемся восстании до тех пор, пока оно не вспыхнет.
Следовательно, власть крупных туземных вождей препятствует подлинному и непосредственному влиянию французской администрации на племена, которые так и остаются для нас замкнутым миром.
Чем тут можно помочь? А вот чем. Почти все вожди, за исключением двух или трех, нуждаются в деньгах. Им следует предоставить десять, двадцать, тридцать тысяч ливров годового дохода, принимая во внимание их влияние и некогда оказанные нам услуги, и заставить поселиться либо в столице Алжира, либо в каком-нибудь другом приморском городе. Некоторые военные утверждают, что эта мера вызвала бы недовольство. На это у них свои доводы… всем известные. Другие офицеры, живущие внутри

страны, наоборот, утверждают, что это привело бы к умиротворению.
Это еще не все. Туземных владык следовало бы заместить гражданскими чиновниками, которые постоянно жили бы среди племен и были бы непосредственными начальниками над каидами. После того как это важное препятствие будет устранено, цивилизация постепенно проникнет и в эти области.
Но полезные реформы заставляют себя долго ждать как в Алжире, так и во Франции.
Проезжая по Кабилии, я удостоверился в полном бессилии вашего правления, даже когда дело касается племен, живущих среди европейцев.
Я ехал к морю по длинной долине, ведущей из Бени-Мансур в Бужи. Вдали перед нами странное густое облако закрывало горизонт. Небо над головой было молочно-голубое, каким оно бывает иногда летом в этих жарких странах. Но вдалеке бурое облако с желтоватыми отблесками, не похожее ни на грозовую тучу, ни на туман, ни на один из тех густых песчаных вихрей, которые проносятся с яростью урагана, отбрасывало на всю местность серую тень. Это плотное облако, тяжелое, почти черное внизу и несколько более прозрачное в вышине, заслоняло, точно стеной, всю широкую долину. Затем вдруг в неподвижном воздухе потянуло чуть слышным запахом гари. Но какой гигантский пожар мог вызвать эту массу дыма?
То был действительно дым. Горели все кабильские леса.
Вскоре мы вступили в удушливый полумрак. В ста метрах ничего не было видно. Лошади тяжело дышали. Казалось, наступил вечер; едва ощутимый бриз, один из тех слабых бризов, от которых чуть шевелится листва, гнал к морю эту зыбкую ночь.
Два часа простояли мы в деревне, ожидая известий; наша маленькая повозка тронулась в путь, лишь когда настоящая ночь, в свою очередь, раскинулась над землей.
Неясный, еще отдаленный свет горел, подобно небесному пожару. Он все усиливался, поднимался над горизонтом, скорее кроваво-красный, чем огненный. Но внезапно при крутом повороте долины я очутился словно перед огромным освещенным городом. Это была целая обгоревшая гора, где кустарники уже почернели, а

множество дубов и оливковых деревьев продолжали тлеть, торча, как огромные головни; они больше не дымились и, словно колоссальные светильники, вытянувшиеся в ряд или причудливо разбросанные, создавали впечатление нескончаемых бульваров, огромных площадей, извилистых улиц, случайного беспорядка или преднамеренной стройности, которые видишь, глядя издали ночью на освещенный город.

Мы подъезжаем все ближе к громадному пожару, и свет становится ослепительным. В течение одного этого дня огонь охватил двадцать километров леса.

Когда передо мной открылась полоса пламени, я остановился в ужасе и в восторге перед этим зрелищем, самым страшным и самым захватывающим, какое я когда-либо видел. Пожар подвигался, как волна, по неизмеримому пространству. Наступая быстро и безостановочно, он оголял землю на своем пути. Кустарники пылали и гасли. Подобно факелам, медленно горели большие деревья, качая высокими огненными султанами, а впереди по зарослям бежали мелкие языки пламени.

Всю ночь шли мы по следам чудовищного пожара. С наступлением дня мы достигли моря.

Замкнутый поясом причудливых тор с красивыми зубчатыми гребнями и лесистыми склонами, Бужийский залив, голубеющий молочной голубизною и вместе с тем светлый, невероятно прозрачный, раскинулся под небом, сияющим лазурью, той неизменной лазурью, которая кажется как бы застывшей.

В конце побережья, налево, по крутому склону горы, устланному зеленью, город сбегает к морю потоком белых домов.

Когда вы попадаете в самый город, он производит впечатление прелестной и неправдоподобной оперной декорации, какие мерещатся иногда в разгоряченной мечте о волшебных странах.

Здесь и мавританские дома, и французские, и руины, вроде тех, которые видишь на первом плане театральных декораций рядом с картонным дворцом.

При въезде в город у самого моря, на набережной, где пристают океанские пароходы и привязаны местные рыбацкие лодки с парусами, похожими на крыло, стоят посреди сказочного пейзажа такие великолепные развалины, что они кажутся искусственными.

Это древние сарацинские ворота, увитые плющом.
И вокруг города, на лесистых склонах — повсюду руины, обломки римских стен, части сарацинских зданий, остатки арабских сооружений.
Кончился безветренный и жгучий день; наступила ночь. И вокруг залива открылось поразительное зрелище. По мере того как сгущались тени, другой свет, уже не дневной, охватывал горизонт. Пожар, как осаждающее войско, окружал город и кольцом стягивался вокруг него. Новые очаги, зажженные кабилами, вспыхивали один за другим, чудесно отражаясь в спокойных водах широкого залива, окаймленного пылающими горами. Огонь то походил на гирлянду венецианских фонарей, то на змею из огненных колец, извивающуюся, ползующую по горным склонам, то рвался вверх, напоминая извержение вулкана, ослепительное у основания или же с огромным султаном красного дыма — в зависимости от того, пожирал ли огонь густой кустарник или высокоствольный лес.
Я пробыл шесть дней в этой пылающей местности, а потом отправился по несравненной дороге, которая огибает залив и идет по склонам горной цепи, где над нею тянутся леса, а под нею другие леса и бесконечные пески, золотые пески, омываемые спокойными волнами Средиземного моря.
Иногда пожар подходил к самой дороге. Приходилось выскакивать из экипажа, чтобы оттащить горящие деревья, упавшие поперек нашего пути; иногда мы мчались, гоня галопом четверку лошадей, между двумя волнами огня, из которых одна спускалась на дно оврага, где протекал быстрый поток, а другая взбиралась до горных вершин, обгладывая и оголяя их порыжелую поверхность. Обгоревшие берега, уже потухшие и остывшие, казалось, были покрыты черным, траурным покрывалом.
Нам случалось проезжать по местности, еще не тронутой пожаром. Обеспокоенные колонисты, стоя у дверей домов, расспрашивали нас о пожаре, как во Франции во время прусской войны справлялись о движении неприятеля.
Мы видели шакалов, гиен, лисиц, зайцев, сотни разных зверей, бегущих от бедствия, обезумевших от страха перед огнем.
На повороте одной долины я заметил вдруг пять телеграфных

проводов, которые были до такой степени усеяны ласточками, что прогнулись под их тяжестью, образуя между каждыми двумя столбами пять птичьих гирлянд.
Но вот возница щелкнул длинным бичом. Целая туча птиц взвилась, разлетелась в разные стороны, и толстые металлические провода, внезапно освобожденные от тяжести, вздрогнули и натянулись, как тетива лука. И они еще долго дрожали, словно по ним проходили длинные, постепенно стихающие волны.
Скоро мы углубились в ущелье Шабет-эль-Акра. Оставляя по левую руку море, проникаешь в открывшийся горный проход. Это ущелье — одно из самых величественных, какие существуют. Расстояние между горами часто суживаются; гранитные обнаженные кручи, красноватые, коричневые или синие, сближаются, едва оставляя у подножия маленький промежуток для стока воды, а дорога превращается в узкий карниз, высеченный в скале над несущимся потоком.
Вид этого мрачного, дикого и великолепного ущелья меняется каждое мгновение. Две стены, между которыми оно зажато, достигают иногда в высоту двух тысяч метров; солнце проникает в этот глубокий колодец, только когда стоит прямо над ним.
В другом конце, по выходе из ущелья, лежит деревня Керрата. Жители ее в течение недели наблюдали, как черный дым пожара валил из темной расщелины, точно из гигантской трубы.
Алжирские власти впоследствии утверждали, что в этом бедствии, которое им было бы легко предотвратить, проявив хоть немного предусмотрительности и энергии, кабилы не были виновны. Говорили тоже, что сгоревшего леса было не больше пятидесяти тысяч гектаров.

Вот прежде всего донесение супрефекта Филиппвиля:

«Мэр и администратор уведомили меня из Джемапы, что все лесные участки колонистов уничтожены и что пожар опустошил все дуары смешанной общины. Селения Гесту, Айн-Шершар, Джендель были под угрозой.
В Филиппвиле сгорели все лесные массивы.

Стора, Сент-Антуан, Вале, Дамремон едва не сделались добычей огня.
В Эль-Арруше особых потерь нет, если не считать пятисот гектаров земель, выжженных в дуарах племен улад-мессауд, хазабра и эль-гедир.
В Сен-Шарле выжжено около шестисот гектаров земель между уэдом Деб и уэдом Гуди и около восьмисот гектаров в северо-восточном и юго-восточном направлениях. Корма и арабские хижины уничтожены.
В смешанной общине Колло и в Аттии огонь опустошил все.
Погибли целиком или частично владения колонистов Тейсье, Лессепс, Лева, Лефебр, Сидер, Бессер и др. Более сорока тысяч гектаров казенного леса, фермы и дома в Зерибане были охвачены пламенем. Насчитывают много человеческих жертв.
Сегодня утром мы похоронили трех зуавов, павших жертвой своей самоотверженности у Вале.
Потери неисчислимы и не могут быть определены даже приблизительно.
Опасность прекратилась главным образом вследствие уничтожения всех лесов. Ветер тоже изменил направление, и я думаю, что можно будет справиться с последними очагами пожара во владениях Бессон, Колло и в Эстайе около Робервиля.
Вчера я отправил полтораста человек солдат в Колло, реквизировав бросивший здесь якорь океанский пароход».

К этому прибавим еще лесные пожары Зерамны, Филь-Филы, Фендека и др.
Г-н Бизерн, в течение четырнадцати лет работающий распределителем поставок в лесах Эль-Милия, писал следующее:

«Мой персонал проявил величайшую энергию; пренебрегая серьезной опасностью, мы дважды справились с огнем, но все это было совершенно бесполезно. Пока мы боролись с ним на одном конце, арабы поджигали на другом и вообще во многих местах».

Вот письмо одного землевладельца:

«Имею честь доложить вам, что в середине ночи с воскресенья на

понедельник фермер Рипейр, сторожившій мое владение, расположенное над полигоном, был свидетелем четырех поджогов: двух на общинной земле, в нескольких сотнях метров от моего владения, еще одного над Дамремоном и четвертого над Вале. За отсутствием ветра огонь не распространился».

Вот еще телеграмма, из Джиджелли:

«Джиджелли, 23 августа, 3 час. 16 мин. дня.
Огонь опустошает лесной участок Бени-Амрам, принадлежащий г-ну Эдуарду Карпантье из Джиджелли.
В прошлую ночь владение было подожжено в двадцати разных местах. Дорожный рабочий, шедший из рудника Ковальо, явственно видел все очаги пламени.
Сегодня утром почти что на глазах каида Амар-бен-Хабиле из племени бени-фугал был сделан поджог в кантоне Мезреш; а четверть часа спустя огонь появился в другой части кантона, тогда как ветер дул в обратном направлении.
Наконец, одновременно, в четырехстах шагах от группы людей — каида и полсотни арабов из его племени, вспыхнул новый очаг пожара все с той же подветренной стороны.
Не подлежит сомнению, следовательно, что поджоги производились туземцами, выполнявшими при этом чей-то приказ».

Могу прибавить, что и я сам, проведя шесть дней в охваченной пожаром области, видел, видел собственными глазами, как в течение одной ночи пламя внезапно вспыхивало в восьми различных местах посреди леса, километров за десять от какого бы то ни было жилья.
Несомненно, будь с нашей стороны более убедительный надзор над племенами, эти бедствия, повторяющиеся почти каждые четыре — пять лет, не имели бы места.
Правительство считает, что сделало все необходимое, возобновив в связи с приближением периода сильного зноя свои инструкции об установке сторожевых постов, учрежденных согласно статье четвертой закона от 17 июля 1874 года. Эта статья гласит:

«Туземцы лесных областей в период с 1 июля по 1 ноября

обязуются под страхом применения к ним мер, указанных в статье восьмой, нести охранную службу, установленную генерал-губернатором».

Туземцев подозревают в поджогах лесов и… им же самим поручают охрану!

Вот поразительная наивность, не правда ли? Эта статья, наверное, была исполнена в точности. Каждый туземец стоял на своем посту. И… поджигал.

Другая статья, правда, предписывает особую охрану, которая должна проводиться в жизнь под наблюдением офицера, назначаемого ежегодно генерал-губернатором.

Статья эта никогда или почти никогда не приводится в исполнение.

Прибавим к этому, что лесное ведомство, самое нелепое, быть может, из всех ведомств Алжира, делает вообще все от него зависящее, чтобы раздражать туземцев.

Словом, если подвести итог по вопросу о колонизации, то правительство, содействуя устройству европейцев, применяет совершенно несправедливые меры по отношению к арабам. Как же колонистам не следовать примеру, который так хорошо согласуется с их интересами?

Надо все же признать, что вот уже несколько лет, как некоторые весьма способные люди, чрезвычайно сведущие во всех вопросах обработки земли, по-видимому, стали направлять колонию по пути значительного улучшения. Благодаря стараниям новых поселенцев Алжир становится производящей страной. Пришлое население работает уже не только ради личных выгод, но и ради интересов Франции.

Вполне очевидно, что в руках этих людей земля будет приносить столько, сколько она никогда не приносила в руках арабов; вполне очевидно также, что коренное население постепенно исчезнет. Несомненно, это исчезновение принесет большую пользу Алжиру, но возмутительно, что оно осуществляется подобными методами.

* * *

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994
Перевод Н.Н.Соколовой. Hekaýalar